

Дмитрий Кузьмин

Я перевожу украинскую поэзию лет двадцать — с тех пор, как на фестивале украинской литературы, организованном в Москве Игорем Сидом, мне в руки попался номер журнала «Четверг» со стихотворением Юрия Тарнавского «Россия» («о страна пораженная комплексом материнства...»). Это первое знакомство предопределило мой интерес к Нью-Йоркской школе — объединению украинских поэтов послевоенной эмиграции, решительно нацеленному на обновление художественного языка и открытость мировому опыту (в противоположность русской второй волне эмиграции, немногим менее консервативной и автаркичной, чем первая); до известной степени Тарнавский, когда я стал читать его больше, срифмовался у меня и с моей первой любовью в американской поэзии — Чарльзом Резниковым, переходным звеном от имажизма к объективизму: то и другое направление оставили в стихах Тарнавского свой след.

По стечению обстоятельств лишь немногим позже, на рубеже 90-х и нулевых, я познакомился с украинской поэзией с другой стороны, приняв приглашение на литературно-музыкальный фестиваль «Последняя баррикада», который проводил в Харькове поэт Сергей Жадан. Это было замечательное событие, тоже резко контрастное относительно российских обстоятельств литературной жизни: с полудня и до ночи на сцене чередовались украинские рок-группы и поэты из полудюжины стран, выступая перед залом на несколько сотен мест, заполненным весёлой и раскованной молодёжью, которая, тем не менее, живо реагировала на звучащие тексты — настолько живо, что Валерия Нугатова, известного мастера поэтической провокации в концептуалистском духе, свистом согнала со сцены (чем он, кажется, остался очень доволен, потому что провокация и должна провоцировать, а не просто забавлять). И этот опыт не только заставил меня больше думать о том, какие именно социокультурные различия скрываются за бессмысленными мантрами о «братских народах», но и наградил более близким знакомством с ещё только входившим в литературу младшим поколением украинской поэзии, так называемыми «двухтысячниками», для которых родившийся в 1974-м Жадан уже был старшим товарищем и ориентиром. Из сегодняшнего дня особенно хорошо видно, что уже это поколение (и генерация 2010-х вслед за ним), независимо от своих заокеанских соотечественников полувеком раньше, выработало и активный общественный темперамент, и разомкнутую в сторону западных традиций, хотя не закрытую и для украинско-русского диалога, поэтику.

Наконец, начавшиеся в середине 2000-х мои регулярные поездки на литературный фестиваль в рамках Львовского форума издателей — где мне довелось встретиться не только с центральными фигурами местной поэтической сцены, галицийской, центральноевропейской (легко себе представляю изысканного и чеканного Остапа Сливинского и в польском, и в австрийском контексте), но и с ветеранами Киевской поэтической школы, самого заметного явления в украинской неподцензурной литературе, разгромленной КГБ в 1970-е. Двадцатилетние организаторы поэтических чтений выводили их, преждевременно состарившихся и отяжелевших, но не утративших вкуса к тончайшим семантическим нюансам, к ювелирной работе с построением фразы, на сцену модного молодёжного клуба «Дзыга» («Юла») — и молодёжь слушала и впитывала (насколько впитывала — ясно только теперь, когда элементы прямого наследования Киевской школе можно увидеть у звёзд поэтического поколения 2010-х). Как помню, не то по дороге в «Дзыгу», не то уже по пути из неё Михайло Григорив (некогда сбежавший от украинских чекистов в ту же Латвию, куда 30 годами позже я уехал от российских) посреди разговора о стихах вдруг спросил

меня: «И как же ты умудрился полюбить Украину?» — и я не нашёлся, что ответить, не заметив тогда главного: что любовь к стране была равнозначна для старого поэта любви к национальной поэзии.

Таким образом, картина украинской поэзии, за которой я слежу и с которой работаю как переводчик и публикатор, постепенно обрела нечто вроде репрезентативности. В нижеследующей подборке репрезентативности чуть меньше (потому что, например, все мои переводы Жадана уже напечатаны в его русском избранном «Всё зависит только от нас», все переводы Григорива — в моём журнале «Воздух», и т. д.), но и в ней есть макросюжеты, заслуживающие рефлексии: например, роль апелляции к архетипическим образам природы в лирике национально-гражданского звучания — одинаково важная и для поэта-диссидента 1970-х Тараса Мельничука, и для 27-летней Елены Герасимюк, пишущей об идущей сейчас войне. Но главное, мне кажется, в том, что из этого набора текстов видны контуры Другой, не похожей на русскую поэзии: по-русски так не писали и не пишут. И это важный урок.

Тарас Мельничук

* * *

живу сын рыбы
в пропахшей
чернобыльником
и чебрецом
реке

живу в реке
ко мне приходят
бобры синеглазые
чтобы меня испугать

живу живу в реке
на Подолье Волыни
Покутье
вдруг
меня кто-то взял
на прицел:
не беги
всё одно мы сожжём тебя
чтоб твой сын не ходил
как микроб
как чёрный корень —

непокорен

* * *

Разлетелись мы, как будто перья,
Если коршун черканёт крылом.
Белое перье легло на взгорье,
Сизое — где снегом замело.

Белым-то перьём белы долины,
Синим — сини море и Дунай.
Будто в свете есть две Украины,
Только нас не любит ни одна.

* * *

всё почему-то
мне представляются
стеклянные птицы
вот они летят
сесть хотят
на железное дерево

падают
и разбиваются
на мелкие атомы
и стеклянные ножи
ещё долго трепещут
на решётках

Юрий Тарнавский

* * *

Кое-кто не хочет
умереть, как хотел
себе игрушку
в детстве, не
может есть от
желания, схватил
лихорадку среди
ночи, надо
ему врача, чтоб
дать успокоение.

Смерть происходит
спокойно, так, как стол
стоит посреди комнаты, жизнь
не река, исчезновение
капли не оставит в ней следа.

* * *

У сада лицо
упыря, хотя уже
зацветает, набух от
тишины, как от крови, как
губы посинели его
каменья, простирает к шее
свой грунт, корявый, как
пальцы, как зенки
вылуплены его круглые цветы.

Ничто не находится
за ним, никто
не наказал ему
появиться, лишь три
буквы — значение его
клички, и мороз идёт по
коже, если думать о ней.

Роман Бабовал

* * *

а завтра запретят нам этот переход
из сказки в сказку конфискуют все зеркала
в которых от себя спасали мы себя
забудут нас и бог и все его предтечи
тогда — пускай нас помнят лишь те мёртвые
что места не нашли ни в пекле ни в раю

* * *

из ночи в ночь мы ощупью себя
искали но на месте не нашли
самое время нам теперь расстаться
чтоб не забыли нас (ни мы — себя)
налево ты — как бы назад к себе
направо я — где нет меня уже

* * *

где та кому-то данная взаймы душа
что говорят горит и не сгорает?
где — искреннее зеркало которому
вверялись мы тогда? (где ты) (где я) (кто мы)?
кто скажет почему от нашей памяти
остались вдруг лишь хрупкие фрагменты в тесных

(скобках)?

Василь Голобородько

Собирание следов

Наклоняюсь, чтобы подобрать свои следы,
кто-нибудь, меня увидев, подумал бы,
что я собираю грибы,
а не то лекарственные травы,
а не то букет цветов,
но нет —
это я собираю свои следы,
следы своих шагов по всем местам,
где я ходил много лет:
вон те следы — когда я пас овец в степи,
вон те — когда тропинкой топал в школу,
а те следы — путь на работу и с работы.

«Вот собираю свои следы,
чтоб чужаки не потоптали», —
рассказываю всякому любопытному.

(Эпифания:
следы-не-следы —
символ со значением
«быть тем, что остаётся в прошлом».)

Не вкладывая, вкладываю свои следы
меж страницами книжек —
теперь, как ни переверну, читая, страницу в книжке,
натякаюсь на давний свой след:
долго разглядываю свой след,
свой детский след под вишнёвым деревом.

Сколько следов набралось к этому дню,
целый гербарий шагов разложен по книжкам,
но даже если бы я сложил свои следы в один ряд,
мне по ним всё равно назад
не вернуться.

Остап Сливинский

Евка

«А я, — говорит Евка, — съела бы одна всё яблоко,
а потом убежала бы, чтоб никто не заметил. И
подглядывала через забор, как он там
носит за Богом книжки».

Я подаю тебе знаки, Евка. Гляди — прямо
из веснушчатых райских кущ. Передразниваю
Его пристальность, когда Он поднимает что-то
с тропинки. Кто
мог потерять здесь перстень?! «О», — читает Он
басом, поднося перстень высоко и рассматривая
его на собственном фоне.
Дальше берет у меня книгу —
книгу, в которой написано все, что угодно,
лишь не твое имя.

Эпизод 2014-го

«Много лет просыпалась я,
когда он приходил с ночной смены, в три-четыре
утра. Долго мылся
и всё равно ложился такой чёрный, угольный,

почти невидимый
в темноте. Может, так он и растворился однажды ночью?»

Молчим,

а через миг уже заливается смехом: мимо нас
пробегают какой-то парнишка, спотыкается
и падает — прямо на кулёк муки, который
несёт в руках,

высоко взлетают его кроссовки
в сердце белого облачка —
такой белый взрыв,
говорит она, такой тихий.

Эпизод 2015-го

«Царство небесное, — говорит Тимур, —
оно — словно озеро. Входя, взбиваем
пятками муть со дна и долго, долго
ничего не видим. А сами —
как на ладони, обиженные и растерянные.
Это последняя наша попытка, оттуда ещё
могут отправить назад.

Может, мы именно здесь?».

Говорят, в сёлах — почти никого, и волки
входят в пригороды. Ещё немного —
и будут тереться о наши ноги,
кроткие, ибо мир этот кроток. Уже
четыре дня тихо, не слышно гранат,
никто не вышибает двери воздуха.

Не горит ни единый куст, успокоились птицы.

Никогда не бывало столько
горизонта над растоптанною землёй,
никогда не бывало столько потолка
над скомканной постелью.

Воистину, нашим,
нашим и волчьим будет царство небесное.

Вечер поэзии в Literaturhaus

«На что похожа моя страна? Представьте себе поезд,
где между пассажирскими вагонами подцеплен почтовый
и никак не пройти из одного конца состава в другой, всё время
натыкаешься на пачки писем, залегающие плотным слоем, — горная порода,
а ведь только вчера это были слова.

А ещё она похожа на ЗАГС. Знаете, что такое “ЗАГС”?

Это такое место, куда приходят расписаться в книге браков или
зарегистрировать смерть.

Те и другие — одновременно, ведь расписание одно для всех, —
салятся в фанерные кресла, скрипя
сиденьями. Тех, у кого браки, всегда

больше — не потому, что браков больше, просто
они никогда не ходят в одиночку, радость — она как нектар,
как открытая рана в море, скликающая голодных рыб.
Те, у кого смерть, ютятся по углам, стараясь не привлекать внимания.
Невесты глядят друг на друга. Гости глядят на невест.
Те, у кого смерть, глядят в окно, за которым больше ничего не происходит.
И они никогда не смешиваются, никогда».

Медальон

Стынет обувь,
которую мы не успели.
А их ноги большие,
им она не нужна.
Их пальцы большие,
никак у них не выходит
вытащить твой медальон
из уголка коробки.
Перевернув, вытряхивают —
и он выпадает
сквозь стол и сквозь пол,
сквозь жилища зверей и змей,
сквозь рукава твоей матери;
добрые псы бегут, указуя
ему дорогу,
крыса-перевозчик с причала
забирает его на тот берег,
подземный аист
спасает его из клюва подземной сороки.
И пока наверху содрогаются,
он плывёт вслепую
чёрными водами
с включённым крохотным датчиком света,
бесстрашный Китти.
Мы находим его
спозанок
прямо в постели.
Ты рассматриваешь его,
словно завершение сна,
ещё не готовая удивиться.
Знаю: ты уже не заснёшь.

Галина Крук

* * *

бывает миг
длинней чем тень длиннейшего дерева на рассвете
бывает

что дерево с опушки отбрасывает костыль своей тени и идёт
навстречу тебе
или просто идёт как дождь или как снег или как время
и ты, что дерева под сенью сел себе передохнуть
спиною опершись
впервые замечаешь, что и тень твоя
может кому-то послужить в жару
если сидеть неподвижно без суеты
как дерево
по крайней мере — как тысячелистник под деревом
сидеть
лечить себя как будто рану
будто земли колено сбитое
об колено ребёнка

и миг этот — всё

* * *

Безволосый соседский мальчишка из твоего детства
так и не вырос,
несмотря на время,
что уносит нас дальше и дальше от тех берегов.
Голова его, стриженная на лето довоенной машинкой,
не покрылась снова мягкими каштановыми кудрями.
Нет, он не утонул,
ведь поблизости не было глубокой реки,
разве что время неспешно текло, подтачивая берега.
Его мать, забываясь, нередко выходила из хаты
кликать его от весёлых мальчишских забав,
из которых так трудно вовремя вернуться домой, —
и он не вернулся.
Даже ночью.
Даже зимой.
Даже когда ты совсем повзрослела и заметила вдруг,
что твой сын точно так же зовётся...

* * *

носимся со своими мертвыми
как дети
положили их на майдане
обступили кругом
на морозе, на снегу, растерянные
будто никто из нас до сих пор не знал,
что умереть так просто
каждый еще надеется,
что полежат и встанут
ведь как рассказать их мамам?

как рассказать их детям?
кто им скажет о самом страшном?
человек бежит навстречу пуле
с деревянным щитом
с горячим сердцем
с головой в лыжном шлеме
полном крови
мама, я в шапке, —
кричит в мертвую трубку
мама, у него слишком тонкая шапка,
свистит пуля

Светлана Поваляева

* * *

Хлопец читает книжку про способы минирования местности во Вьетнаме
Тихо читает вслух с планшета — маленькой старенькой даме
Нет, не знакомые и не родные — всего лишь едут в метро по одной ветке
Хлопец в камуфляже, дама в облезлой бурой горжетке
Хлопец в свою военную часть, дама — просто так, в белый свет
Дамам такого типа важно ехать — знать, что они ещё оставляют след
Хлопец всё ёрзал глазами по строчкам: мысли на минах взлетают
Дама любопытствовала, что же он такое читает
Он повернул к ней экран, она заохала: мол, забыла очки
Он ей прочёл заглавие, всё ещё чувствуя себя разорванным на клочки
Своих чёрно-красных мыслей, заодно прочёл оглавление
И пошёл по первой главе — оказалось легче, чем по руинам моста в наступление
Вдруг думает: лучше б мне почитать про болезни яблонь, или про любовь сопливую сказку
В голове шумит песня про добровольцев, которые маршируют в кровавую пляску
Дама внимательно слушает про мины — словно концерт по радио или прогноз погоды
Похоже, бездетная, но с мужчинами напереживалась всякого за долгие годы
Кроме вот только детей. Ей бы скинуть лет тридцать — и дальше переживала бы ещё как
Хлопец свой выходной начал со сдачи крови — разумеется, натошак
Навестил друга в госпитале, на выходе кофе-автомат известил его: нет воды
Заглянул в Макдональдс — там очередь длиннее хипстерской бороды
У метро уже собирался заказать шаурму, как в телефоне мессенджер зазвенел
«Прости, нам лучше не видеться» в ответ на его вчерашнее «Я мысленно всё ещё там, у тебя
в глубине»
Хлопец в метро зачитывает двухсотый способ: «Подземная растяжка устанавливается так...»
Дама слушает, смотрит в окно на Днепр, слегка покачивается в такт...
Осторожно. Двери. Следующая станция Гидропарк.

Юрий Завадский

Как стиснутые зубы

Осень такая ненасытная, осень такая пустая,

мы безымянные, мы совсем ещё школота,
мы пустые, осень совсем остыла,
осень такая досадная, мы остались без лиц,
осень испепелённая, осень без голоса,
осень писана карандашом, осень в тепле незнакомой вагины,
осень в ритме ягодич,
осень такая разочарованная,
мы идём ниоткуда,
осень такая выразительная, мы проходим без слов,
осень такая тихая, мы даже не трахались,
осень такая пустая, мы — пустые,
осень такая пустая, мы — пустые,
осень такая пустая, мы — пустые,
осень такая пустая, мы — пустые,
осень такая пустая, мы — пустые,
осень такая пустая.

Давно это твержу

Источник — для скота,
не для людей. И комнаты для скота,
не для людей. И хлеб не для людей.
И дороги прямые не для людей.
Для скота эти деньги и сладости,
для него — одежда и золото. Для скота
эти глаза и пальцы, эта нежность и страсть
не для людей. Это скот нарушает
порядок вещей, где закон пересиливает подозрение,
где одиночные пропадают любовники,
где нету добрых целей и добрых путей.

Давно это твержу, давно.

Цветок-сирена

Кому ты кончил в лицо,
тонкогубый и тонконогий любовничек,
колени как почернелые яблоки, сморщены и забыты.
— Я ещё чего-то хотела, — говорит он подростковым голосом.
Пропадает впустую твоё дармовое враньё,
и веганская жопа, упакованная в джинсу,
и очочки в сперме, стекающей, пока мы разговариваем.

Отче наш, которому похуй на любовь,
ты научил нас мыслить и спать.
Боги, как медные тарелки, сходят над провинциями,
воют по-эстраднему, на украинском, не бредущем ноги,
и ты между ними педик.

Свободный человек не родился

Я был не один, а с кем-то.

Мы вдвоём собрались куда-нибудь
между густым тёмным небом
и чёрною пашней.

Казалось, такое вот небо — моё,
и земля с перегномом — вроде моя.

И мы остановились, и этот как будто конец дороги
не был концом, также как небо с пашней
не были нам границами.

В потёмках мы развели меж собой костёр,
смотрели друг другу в красные лица.
Мой нежный друг, я спал на твоей груди,
незаметно пил росу слюны у тебя изо рта,
тайком обнимал себя твоею рукой,
по крайней мере, мне так казалось.

Мне казалось, что твоя нежность —
где-то между густым предгрозем и ранней жатвой,
между смертью параноика и рождением свободного человека,
между светом мохнатого дня и темнотой моих внутренностей,
я был весь пред тобою,
и ты подошёл ко мне,
по крайней мере, мне так казалось,
и кинул алеющий уголёк
мне за ворот.

Город, один из городов

Рисую на грязном стекле машины
свою ярость.

Вот мой досадный друг,
с которым уже не могу разговаривать.
А тут человек, скользкий от несдержанности,
с ним не здороваюсь. Вот глаза учительницы,
которая ничему не учит. Вот сообщества,
упражняющиеся в противоборстве.

За стеклом всего лишь город,
на улицах самоуглублённые автомобили,
женщины возвращаются с работы,
светится магазин ошибок,
обувь для отличных,

не собирающихся признавать чужие отличия
ни завтра, ни потом.

То, что сегодня делаю,
должен делать завтра. Представляюсь себе великим
я, ничтожный и нынешний.

Уже мертвецы

Отказался от встречи,
потому что они уже мертвецы
в густом ядовитом дыму.

Пожарник отдыхает,
откупоривает желтый цвет,
листает готовый текст,
правописание простое и ясное.

Маленькое тело
на огнестойких рукавицах.

Богдан-Олег Горобчук

Птицы

какой судьбы себе ищут птицы?

стремятся ли самые завзятые из них умереть в вышине
опалив крылья солнечным жаром?
или просто инстинктивно плодятся и размножаются
как мы полагаем?

две сороки развели суету на берёзе
умножая её бело-чёрный эффект
и тут же, чуть поодаль, сойка
поразила эти пригородные просторы

мечтают ли они дожить до старости
и умереть в тёплом гнезде?
или просто инстинктивно плодятся и размножаются
как мы полагаем?

сырой атмосферный нойз вороньей стаи
грубые сизые мазки голубей на фоне земли
и динамичный аистинный орнамент на синей глади

чего хочет заточённый на балконе частного сельского дома сокол
помимо сочащегося кровью мяса?

страдает ли престарелый ворон
уже не способный оплодотворить ни одну из подруг?

осознание тщеты
внезапные кратковременные озарения
ностальгия, эмпатия, волевой акт

не выедено ли всё это муравьями из черепа дохлой птицы
под зелёным забором
вконец истощённого за зиму недостроя?

Взрослеть до самого бешенства

ты оседаешь под этим заснеженным деревом
будто остывший недопитый кофе
и попробуй кто допить тебя одним глотком —
долго потом выхаркивал бы горечь зимней ночи

проплясывай эти провалы
не думай
просто проплясывай эти провалы

ты забываешь названия улиц, где обитали друзья юности
ты забываешь имена птиц, приносивших ветви оливы для твоего жилья
ты забываешь прямолинейные лабиринты заброшенных зданий где так любил потеряться
теперь-то ведь их отстроили

расплясывай эти разрывы
не думай
улыбаясь расплясывай эти разрывы

и когда тебя полубессознательного от холода и алкоголя
находит в лесу приبلудный кот
отогревает сердце, свернувшись клубком, подступающим к горлу
ты забываешь, что единственная общепризнанная цель в этой жизни —
взрослеть до самого бешенства
ты доплясываешь домой
а он
будто привязанная к хвосту жестянка
тебя провожает

Другая война

это не дорога, а какое-то поле боя!
берегись сверчков-пулемётчиков, затаившихся справа и слева в высоком лесу травы
осторожно обходи труп собаки, заминированный мухами
уклоняйся от полосатых беспилотников, у которых бумажное гнездо на старой груше

ты не замечал до сих пор этой войны
такой шумной, такой бескровной
театр военных действий здесь — как настоящий театр
имитация стрекота, имитация жужжания
и лишь комариные штыки прорывают кожу, нанося настоящие раны

война за каждый клочок пространства
непрерывная ротация, непрерывная передислокация
жестокое перераспределение ресурсов

слушая навязчивое гудение похоронных оркестриков
осознаёшь: погибших больше, чем раненых

а вот и первая кровь:
ты бессознательно расчесал
штыковую рану на запястье

Елена Герасимюк

* * *

Заря всех पहले встаёт когда сходит дым
густейший с утра, словно нити из полотна
расходятся, сорваны с тела, сброшены прочь

И снидет роса и легко траву перейдёт
и сгинет словно любовь, как настанет день —
то не заря встаёт
то приходит смерть

Видит: лежат, лежат тела на земле
Знает: ждать надо всех, ведь не всяк живой
Будет: нить из лучей звенеть тетивой

Нет у тебя руки — вот тебе рука
Нет у тебя головы — вот тебе голова
Перед тобой нет судьбы — вот новая, на

Шьёт-латает заря, колет пальцы — так
в темени леса воин проколет сердце
не о шиповник, не о терновник, нет

Отплывает любовь от губ твоих — берегов
Штопает войско заря — и она — надежда
пока последний не отошёл от земли

* * *

Звери меж веток в бешеной пляске
крутились тонкие, словно нитки.
Целуй мне разодранные пальцы,
я пряжу сучила, и вот — кровь с ними.

Ударь мои раскрытые губы,
закрой перепуганные очи.
В горсть собери дороги обрубков
к лесу, что птичьей ордой источен.

И снова сяду одна за прялку —
а лета олень к потоку несётся, —
чтоб не забыть, когда вновь упрямо
сложит в лес свою голову солнце.

Следы от копыт затихли и сникли,
искать их тебе, мой бешеный, где бы,
пока я, блаженная, тяну эту нитку
с расколотой пополам кудели.

* * *

Ты последний мой корабль
в волооких водах
струпья каменные нам распахивать
и кровавые кордоны
и не молвишь ты ни слова
той кого ты звал сестрою брат

наша линия чиста и глубока
и бесследна
солнце выцвело седее флага
или плахты
или плахи
солнце всё раскручивает землю
как незримую пращу
крошку малую для птахи

только-только было чистым словно кожа
дно теперь темнеет бугровеет
сплачивается в сплёт сильней
раскрытой раны
я капитан последнего нашего плавания
нашего края

* * *

Нет, отвращение это не пройдёт никогда, никогда, никогда
это стекло, еда, обломки, вода разлетелись вокруг

и снится мне —
я стекло
еда
обломки
вода
ничего не будет
всё только начнётся и снова
закончится — глядь
а меж ними опять
ненарочное
и пустое
и пускай будет всё хорошо
всегда всё заканчивалось хорошо
летело как торба с высокого горба
в дымы из пекла
в пустыни покрытые пеплом
в отчаяние сигнального огня
остаётся верить — выбора нет другого
ничего не будет чтобы уничтожить то слово
как только что — меня

Михайло Жаржайло

Баба-Род*

идеальная точка для снайпера
маньяка-шпиона за окнами высоток
храброго сердца
разбитого лагеря

хорошее место для качелей
или для дыбы

(беру свои слова про снайпера
назад
откуда бы мне знать
про снайперов)

тут на поляне стоит одинокий крест
и дикие сливы с перекрученными ветвями
сбились стайками
а одна-то в сторонке
над самым обрывом
над железной дорогой

с ней празднуем день рожденья
повязав качели на шею ветки

качели взлетают когда внизу промчит Интерсити
качели вертаются когда внизу тарахтит товарняк

только бы не соскользнуть только б очки не упали
качели непослушно закручиваются вокруг своей оси
доходят до критической точки и поколебавшись раскручиваются
и снова закручиваются и снова раскручиваются
натирая дерево узловатыми кадыками

тут и правда можно залечь с биноклем
оптическим прицелом
или лорнетом

в окне ближнего дома
вон там за путями
мерцает телевизор

в 23.43 на миг показалось
что его отключили

* Баба-Род — холм на окраине Львова, ныне место отдыха, а в древности — место языческого святилища.

Василь Лозинский

Острова достоверности

Из учителей как раз этого
меньше всех замечали, была ещё
идея влюбиться в географию,
потому что ну как тут влюбишься в
литературу или язык. Там все
имеют дело с учителями,
иначе, когда речь про город, ландшафт,
про какой-нибудь остров независимо от
его геологического периода.
Обычно народы учатся на
чужих ошибках, в чужих странах.
Где была война — воцарится мир,
где кому-то наука — там и учитель.
Когда просят *«не говорить»*,
значит, сказанное было правильным.
Неужели будут бомбить атомными
боеголовками острова достоверности?
Так начинается информационная
война. Если у вас мания
преследования, то победа
за врагами. Слышишь ли песню,
преследующую тебя из динамиков,
пока ты едешь от кафе до кафе?

1991

Возьмем обычное село в этот год,
поздней оно станет единственным
в наших воспоминаниях о детстве.
Там обычный в то время сельский
клуб, где крутят фильмы про Брюса Ли
по видуку. Еще там проходят выборы, дикий
ритуал, в фойе стоят разноцветные кабинки,
красные и синие — действие такое же тайное,
как дискотека. И вот кабинки появились себе —
и хлынул в них народ. Назавтра на входе
в сельский магазин продтоваров
вывесили итоги референдума:
два голоса против отсоединения
страны от Союза братских народов.
Все твердили их фамилию, неместные русскоязычные
супруги-ветеринары, и теперь её помню,
доска объявлений кажется доской позора,
в конце концов, не было войны и дареному коню
в зубы не смотрят.

Ярослав Корнев

Кендра

мать кендра
ткёт в своём доме

за деревянный мосток
через болото
пойдёшь

лакреву мужского
роста:
чёрной ниткою
цвет деревьев
зелёный цвет
воды
птица на той
стороне отгиснута

заходи, гость,
не бойся
углового помина
в чужое присутствие
во сне сына к матери
возьмёшь покров

хищными тропами бродят

красного угла звери
допытывают
не меня

Марта Мохнацкая

* * *

было бы слишком дерзко
начинать свой собственный след.

человек-с-тележкой-
тарахтящей-на-всю-улицу,
пойду за твоими колёсиками.

только не признавайся,
как набрался отваги.

БИОГРАФИИ

Тарас Мельничук (1938—1995) родился в старинном гуцульском селе Уторопы. Учился в Черновицком университете и на заочном отделении Литературного института в Москве, работал строителем, плотником, редактором местных газет. В 1967 году в Ужгороде опубликовал первую книгу «Несімо любов планеті». В 1972 году арестован как диссидент, провёл четыре года в лагерях, затем жил под надзором КГБ. В 1982 году в Торонто вышла книга стихов «Із-за ґрат». В конце жизни увидел напечатанными в Украине книги «Князь роси» (1990) и «Чага» (1994), удостоен Национальной премии имени Шевченко (1992).

Юрий Тарнавский (род. 1934) родился в неофициальной столице Бойковщины городе Турка, в 1944 году вместе с семьёй оказался в Германии, с 1952 года живёт в США. Окончил Ньюаркский инженерный колледж, в 1952-1992 гг. работал в компании IBM, занимаясь вопросам русско-английского машинного перевода. В 1982 году защитил докторскую диссертацию по теоретической лингвистике, позднее преподавал украинскую литературу в Колумбийском университете. Первую книгу стихов «Життя в місті» опубликовал в 1956 году, был одним из основателей Нью-йоркской группы украинских поэтов и соредактором ее журнала *Нові Поезії* (1959–1972). В дальнейшем напечатал около 30 книг поэзии, прозы и драматургии на украинском и английском языках, украинские переводы пьес Ф. Гарсиа Лорки и С. Беккета. Живет в Нью-Йорке.

Роман Бабовал (1950–2000) родился в Льеже, окончил медицинский факультет Лёвенского университета и всю жизнь прожил в Бельгии, работая врачом. В 1969 году выпустил в Лёвене первую книгу стихов «Навіщо про те згадую?», в дальнейшем ещё три были изданы в Бельгии, одна в Нью-Йорке и последняя (1993) в Киеве, опубликовал также три сборника стихов на французском языке, переводы с французского на украинский и с украинского на французский. С 1970-х гг. примыкал к Нью-Йоркской группе, составил в Интернете наиболее полную антологию её поэтического наследия.

Василь Голобородько (род. 1945) родился в Ворошиловградской (ныне Луганской) области, учился в Киеве и Донецке, но был отчислен за распространение диссидентской литературы. Работал в шахте и совхозе. Первая книга стихов «Летюче віконце» вышла в 1970 году в Балтиморе, в Украине в 1969–1986 гг. публикации Голобородько были запрещены и первый сборник «Зелен день» появился в 1988 году, за ним последовали ещё несколько книг и ряд литературных премий, в том числе Национальной премии имени Шевченко (1994). Книги Голобородько изданы также в португальском, английском и польском переводах. Жил в Луганской области, затем в Луганске, с 2014 года в Киевской области как беженец.

Остап Сливинский (род. 1978) родился во Львове, окончил Львовский университет, с 2004 года преподаёт там же. Кандидат филологических наук, специалист по болгарской и польской литературе. В 1998 году опубликовал первую книгу стихов «Жертвоприношення великої риби», за ней последовали ещё четыре, сборники стихов Сливинского вышли также в русском, немецком и словацком переводах. Печатался как филолог, критик, переводчик поэзии и прозы с русского, белорусского, немецкого, польского, болгарского, английского языков. Лауреат ряда премий, в том числе премии Губерта Бурды для молодых поэтов Восточной и Центральной Европы (2009).

Галина Крук (род. 1974) родилась во Львове, окончила Львовский университет, преподаёт там же. Кандидат филологических наук, специалист по украинскому барокко. В 1997 году выиграла три национальных конкурса молодых поэтов («Гранослов», «Привітання життя» и издательства «Смолоскип») и опубликовала первую книгу стихов «Мандри у пошуках дому», за ней последовали ещё четыре. Печаталась также как переводчик поэзии и прозы с русского, белорусского, польского языков. Вице-президент Украинского ПЕН-Центра (с 2010 г.).

Светлана Поваляева (род. 1974) родилась в Киеве, окончила факультет журналистики Киевского университета, работала в различных печатных и электронных СМИ. В 2003–2009 гг. опубликовала семь книг прозы и сказку для детей. В 2018 году вышел первый, несмотря на многолетние публикации в периодике, сборник стихов Поваляевой «Після Криму».

Юрий Завадский (род. 1981) родился в Тернополе, окончил Тернопольский педагогический университет, кандидат филологических наук, занимался теоретическими вопросами бытования литературы в Интернете, автор монографии «Виртуальная литература» (2009). С 2009 года возглавляет тернопольское издательство «Крок», специализирующееся на издании украинской и мировой современной поэзии. Автор семи стихотворных сборников.

Богдан-Олег Горобчук (род. 1986) родился в Житомире. Кандидат социологических наук, диссертация по социологии культуры применительно к сегодняшней Украине. Работал на заводе, занимался книжной иллюстрацией и тележурналистикой. В 2007 году выпустил две авторские книги стихов «Місто в моєму тілі» и «Немає жодної різниці», а также коллективный сборник «Цілодобово!» (с П. Коробчуком и О. Коцаревым); новая книга стихов вышла в 2013 году. Живёт в Киеве.

Елена Герасимюк (род. 1991) родилась в Киеве, окончила филологический факультет Киевского университета. В 2014 году дебютировала книгой стихов «Глухота». Активный участник ряда волонтерских проектов, менеджер документального фильма «Невидимый

батальон» об украинских женщинах — участницах вооружённого сопротивления российской агрессии. В 2017 году опубликовала книгу «Расстрельный календарь» — хронику советских репрессий в Украине.

Михайло Жаржайло (род. 1988) родился в Ровно, жил в Киеве и Киевской области, работая в сфере рекламы; в настоящее время во Львове. Лауреат поэтического конкурса издательства «Смолоскип», автор книги стихов «Міліція карми» (2014).

Василь Лозинский (род. 1982) родился во Львове, изучал германистику во Львовском университете и Берлинском свободном университете. В переводе Лозинского опубликованы сборник рассказов Ф. Кафки и книга стихов современного польского поэта Т. Домбровского. В 2016 году издан сборник стихотворений «Інша країна». Живёт в Киеве.

Ярослав Корнев (род. 1989) родился и живёт в городе Краматорск Донецкой области, пишет на русском и украинском языках. Первая книга стихов «Дещо з насіння» (2016) удостоена премии «Золотой кларнет» за лучший поэтический дебют.

Марта Мохнацкая (род. 1993) родилась в Тернопольской области, окончила факультет журналистики Каменец-Подольского университета. Живёт во Львове. Публикует стихи и поэтические переводы из современной русской и немецкой поэзии.